

#ИНТЕРВЬЮ

С РУСЛАНОМ
ИБРАГИМОВЫМ

Кандидат юридических наук,
Директор по правовым
исследованиям НИУ ВШЭ,
Независимый директор СД Evraz

Расскажите, пожалуйста, об АНО «Цифровая экономика» и о своем участии в этой организации.

Руслан Ибрагимов: С 2017 года существует государственная программа «Цифровая экономика». Для реализации этой программы была создана организация – АНО «Цифровая экономика». Фактически, это площадка, где бизнес и государство соединили свои усилия, компетенции и навыки для того, чтобы прорабатывать вопросы цифровой трансформации.

Во многом благодаря АНО получилось объединить накопленный опыт инновационных компаний с ресурсом государства для того, чтобы реализовать проект «Цифровая экономика».

Собрали всех возможных экспертов с имеющимся опытом и разделили проект на 6 направлений, одним из которых было «нормативное регулирование цифровой среды». Для работы этого направления была создана рабочая группа, состоящая в равных долях из представителей бизнеса, чиновников и ученых. Я с 2017 года возглавляю эту рабочую группу.

Работа группы должна была строиться поэтапно. Сначала нужно было устранить существующие законодательные барьеры для развития цифровой экономики, потом - создать полноценное законодательство в области цифровой экономики, а на третьем этапе – провести гармонизацию цифрового законодательства и традиционного.

ЦИФРА

На каком этапе сейчас находится нормативное регулирование цифровой экономики?

Руслан Ибрагимов: Сама этапность в какой-то период перестала существовать, многие процессы пошли параллельно. С моей точки зрения, этап устранения регуляторных барьеров практически подошел к концу. Сейчас закладывается повестка на будущее.

Кроме того, сам вектор развития меняется, потому что за эти годы государство получило блестящий опыт цифровой трансформации. Этому помогла ситуация с пандемией. Тогда государство очень много сделало для того, чтобы граждане получали услуги дистанционно.

Кстати, одним из федеральных проектов в национальной программе «Цифровая экономика» был проект «Цифровое государственное управление». В рамках этого проекта появилось понятие «супер-сервисы». Сейчас государство реализует такие сервисы онлайн через Госуслуги: поступление в ВУЗ, разрешение дорожных ситуаций, подача документов онлайн и пр.

Как дальше, по Вашему мнению, будет развиваться национальная программа?

Руслан Ибрагимов: На мой взгляд, все большее значение будет иметь юридическая наука. В НИУ-ВШЭ в 2020 году был создан исследовательский институт права цифровой среды, который должен заниматься подготовкой новой регуляторики для цифровой среды и передачи соответствующих знаний в учебный процесс. Ведь важно еще до принятия каких-то законов использовать результаты исследований для формирования цифрового мировоззрения юристов.

Все связанное с цифрой вызывает некоторую насторожённость у людей. Мы не можем предсказать все риски, но мы можем предполагать некоторые из них уже сейчас.

ИНТЕРВЬЮ

И с точки зрения правовой науки — это очень интересная ситуация. Всегда право и нормотворчество шли вслед изменяющимся отношениям в обществе, то есть, сначала пропатывалась тропинка, а потом право закладывало ее в асфальт.

Сейчас все иначе. Это связано с некоторой неизвестностью будущего и с повышенной настороженностью, и с необходимостью на эту настороженность как-то отвечать, в том числе правовыми методами.

Поэтому, когда традиционалисты вам говорят, что право всегда идет вслед за изменениями, то в цифровой сфере для меня это не столь очевидно. В каких-то вопросах право должно идти с опережением.

Это такой интересный феномен — создание цифрового права. Именно поэтому я и назвал это «мировоззрением». Мы сталкиваемся с тем, что сейчас формируется цифровая культура, и на базе этой культуры — цифровое право. Поэтому те, кто работают над созданием цифрового права, должны не только, как мне кажется, владеть блестящим правовым инструментарием, но и

в какой-то степени быть философами, социологами, разбираться в общественной этике и культуре.

Мы, проведя ряд исследований, поняли, что нельзя давать регуляторные предложения без понимания того, как это будет соотноситься с этическими представлениями общества. Поэтому мы создали в институте лабораторию этики и права цифровой среды.

Право и этика обречены быть друг с другом вместе, и это всегда характерно для периода создания права. Наше классическое право создавалось две тысячи лет назад (хотя и модифицировалось позже), но цифровое право создается прямо сейчас. Поэтому работа с цифровым правом предполагает больший профессиональный кругозор и гуманитарное мировоззрение, нежели было до сих пор.

А какие знания нужны юристу, занимающемуся цифровым правом, нужно ли разбираться в IT?

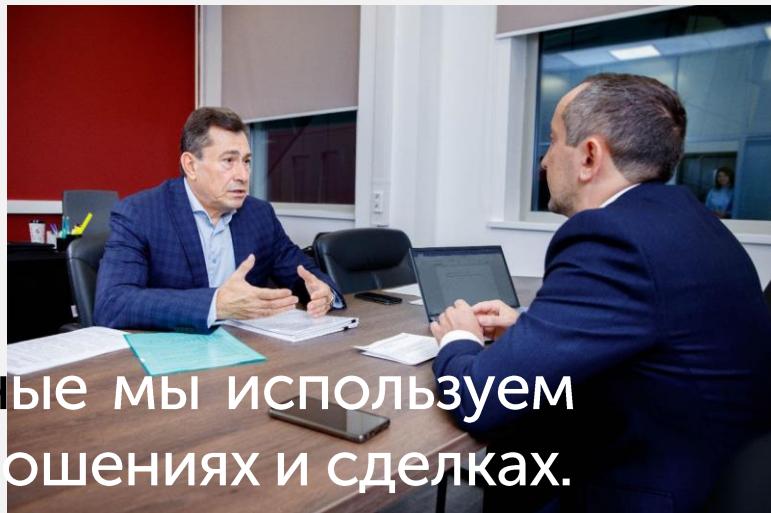
Руслан Ибрагимов: IT-знания на каком-то базовом уровне, конечно, нужны. Однако в цифровом праве нужно быть не просто юристами, а мыслить шире. Для подготовки таких специалистов должно меняться само образование. Мы имеем дело с начальным этапом, когда ни практика не сформирована, ни законодательство не сформировано. Сейчас только формируется практика, например, нашумевшее **дело Mail.ru против Double data**. В этом деле также затрагиваются вопросы этики и обнажается неготовность существующих традиционных инструментов исчерпывающе решать такие дела.

**Что такое «цифровая экономика»?
Это экономика вокруг данных.**

Соответственно, как можно судить о существовании цифровой экономики? Если данные являются предметом гражданского оборота, то она есть, если не является предметом гражданского оборота, то ее как бы нет. Вот сегодня нет оборота и есть множество уловок, как этими данными торговать, но легального оборота нет.

При этом «оборот данных» не может существовать в вакууме. Необходимо создавать инфраструктуру для этого оборота, начиная с того, где эти данные хранить, чтобы они считались легальными. То есть, мы говорим о цифровых архивах.

Официальные данные мы используем в любых взаимоотношениях и сделках.

Следовательно, нужно провести идентификацию и аутентификацию. Узнав, (идентифицировав и аутентифицировав стороны) мы заключаем сделку. Во избежание излишних споров, целесообразно некоторые контракты заверить, значит, возникает необходимость цифрового нотариата. В случае, если споры все-таки возникнут, то нужно реализовать возможность онлайн правосудия.

ИНТЕРВЬЮ

Вот так и создается среда для оборота данных, которая учитывает много разных вопросов из разных сфер жизни.

В связи с этим возникает такой парадокс: сейчас разрешаются вопросы, связанные с созданием экосистемы, в которой эти данные будут обращаться, но в принципе оборот данных еще не разрешён. Думаю, что это верно: пока мы занимаемся вопросами среды, в которой будут данные обращаться, постепенно приходит и понимание ключевых проблем.

ИНТЕРВЬЮ

Как вы считаете, должен ли быть ограничен доступ компаний к большим данным?

Руслан Ибрагимов:

Вопрос не в этом. На сегодняшний день нет основы – дефиниции понятия больших данных. В Законе об информации прописали, что «информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». То есть, данные – это часть информации. Мы знаем, что информация свободна, если нет специального закона, который запрещает или ограничивает её оборот. А что запрещает или ограничивает оборот больших данных? Только Закон о персональных данных.

А этого закона сейчас недостаточно?

Руслан Ибрагимов: Понятие персональных данных очень широкое. Персональные данные – это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу. При этом, эти данные создаются не самим лицом. Вот, например, имя и фамилия, кто их создал? Родители? Значит, кому принадлежат эти данные?

Вы больше за свободу оборота цифровых данных или за максимальную их сохранность, с тем учётом, что это может отразиться на физических лицах?

Руслан Ибрагимов:

Вопрос также в отсутствии дефиниции, когда одна сторона подразумевает под этим одно, а вторая – нечто иное. Поэтому я выступаю за то, чтобы вернуться к истокам правового метода и начать с дефиниции: что такое данные? Что такое большие данные? Чем они отличаются от персональных данных? Являются ли обезличенные данные информацией или остаются персональными данными?

А если они обезличенные, почему они персональные тогда?

А если они персональные, значит, у нас оборот персональных данных запрещён. И вот мы попали в ловушку схоластических споров.

Поэтому нужно определиться изначально с понятиями.

Ведь большие данные нужны для того, чтобы развивать искусственный интеллект, человеческий мозг сам не может их обработать. Что такое искусственный интеллект? Мы вроде на бытовом уровне это понимаем, а когда это переходит в стадию юридических дискуссий, не можем сформулировать.

ЦИФРА

Можно сказать, что искусственный интеллект – это программа, обладающая способностью к самообучению?

Руслан Ибрагимов: Можно, но это понятие не закроет большинство важных для юристов вопросов. Цифровое право — это интегральная плоскость. Вообще право является, если мы идём по пути цифровой трансформации, драйвером процессов, происходящих и в естественных, и в общественных науках.

Очень приятный для юристов подход! Хотелось бы так думать. А в ближайшие пять лет, на ваш взгляд, какую самую актуальную проблему в цифровой отрасли надо решить?

Руслан Ибрагимов: Выработать понятия, вокруг которых будет консенсус.

Что вы можете выделить в качестве самого главного понятия в цифровой экономике?

Руслан Ибрагимов:

Я считаю, что в ближайшее время нужно разобраться с данными и с тем, что называется запуском их в гражданский оборот. Данные накапливаются, структурируются по-разному, нет единых методик.

А с точки зрения практики наибольшее значение имеет Закон об экспериментальных правовых режимах и те проекты, которые в развитие этого закона запускаются. Почему я считаю это важным? Потому что суть этого Закона в том, что допускается временное изъятие ограничительных норм законодательства на период действия эксперимента для того, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезы в том числе в части потенциальных рисков новых технологий.

ИНТЕРВЬЮ

Вопрос о цифровых песочницах, как они работают? Вот, например, в экспериментальной зоне ездит беспилотное такси, однако, как это перенести в масштабы страны? Даже если будет установлено, что аварии с беспилотным такси – большая редкость, у людей все еще нет доверия к автомобилям без водителя, люди боятся таких изменений. Что вы об этом думаете?

Руслан Ибрагимов:

Цифровая песочница функционирует под надзором регулятора и регулятор будет делать вывод о реализовавшихся и не реализовавшихся рисках. Если регулятор дает заключение, что риски не реализовались, то цифровую песочницу можно масштабировать.

Но вряд ли это сразу можно масштабировать на всю страну, так как должна быть готова соответствующая инфраструктура. Начиная с дорог с выделенной полосой и соответствующим покрытием и заканчивая средствами связи, которые такие беспилотники ведут. Так же есть вопросы контроля и ответственности в случае аварии. А также привычки людей и их образ жизни. Нужно учитывать все обстоятельства, в том числе и то, о котором вы говорите.

Как вы считаете, мир, когда становится более технологичным, он становится более безопасным?

Руслан Ибрагимов: Мы поймем это по итогам ЭПР. Если говорить о моих наблюдениях, то я не уверен, что он становится более безопасным, он, возможно становится более комфортным.

Вероятная обратная сторона этого комфорта – это снижение гарантий своих прав.

ИНТЕРВЬЮ

Расскажите, пожалуйста, про Ваш любимый фильм, сериал или книгу, которые связаны с темой цифрового будущего.

Руслан Ибрагимов: Честно говоря, в Матрице все сказано. Все остальное это уже какие-то вариации. Это совершенно новые вызовы, о которых мы, может быть, и не думаем сейчас.

Вообще, в принципе, может, мы и придем когда-нибудь к пониманию, что в цифровой трансформации нужно где-то остановиться. Потому что, с точки зрения теории сингularity в 2035 году человек перестанет контролировать машины.

Неизвестно, что произойдет, может быть, не стоит нам доводить до этого? Может быть, действительно, в том числе инструментами права поставить какие-то стоп-факторы. Когда футурологи или технари читают лекции о том, какое будущее они себе представляют, люди пугаются. Я в этих случаях говорю, не волнуйтесь, юристы этого не допустят.

ЦИФРА

Это как запрет на клонирование человека. Клонировать человека сейчас очень легко технически, но законами это запрещено. Так этика ограничила это направление.

Руслан Ибрагимов:

Об этом я и говорю. В цифровом праве также. В цифре, как мне кажется, нужно опережать развитие общественных отношений, прогнозировать. Именно в этом аспекте меняется ключевая роль права. 2000 лет право регулирует отношения между людьми и вдруг мы сталкиваемся с тем, что в эти отношения вмешивается машина и начинает формировать новые сущности.

Существенно влияет на эти отношения. А право должно реагировать? Конечно должно, но фактор машины путает все карты, потому что машина – не человек, к ответственности не привлечешь. Тот, кто заложил в нее эти алгоритмы может быть вообще не найден или ошибся, ну, много чего может произойти, много случайностей, которые мы не можем предусмотреть.

Поэтому, конечно, здесь с одной стороны право – драйвер процесса, при этом оно – прогнозист. А с другой стороны, право остается консервативным инструментом. Найти правильный баланс прогресса и консерватизма – это и есть вызов для права сегодня.

Я считаю, что роль права кардинально меняется, роль людей в праве тоже кардинально меняется и сами люди в праве тоже будут меняться.

Как вы оцениваете внедрение машиночитаемого права и программ-помощников для юристов? Как изменится в будущем роль юристов?

Руслан Ибрагимов: Юристы должны расширять свои профессиональные границы за счет смежных отраслей, быть в авангарде, локомотивом развития этих смежных отраслей и в итоге права в целом.

То есть, я говорю, что юристы в конце концов, должны качественно поменяться в сторону энциклопедичности, а с другой стороны – машиночитаемое право, оно сужает юридическое знание, потому что все время будем надеяться на подсказку. Как, ведя автомобиль, мы все время смотрим в навигатор, хотя знаем примерно дорогу, но все равно смотрим. Сейчас в Китае это уже внедряется в работе юристов, то есть алгоритм сам подсказывает решение.

Получается, что разные юристы будут. Те, кто, создают право должны быть очень энциклопедичны, а те, кто применяют, будут сами себя ограничивать. Разбираться с этим мы будем уже внутри юридического цеха.

В общем, много неизвестного. Как всегда, тема, в которой много неизвестного, тревожит людей. Именно поэтому мы предлагаем сделать институт оценки гуманитарного воздействия цифрового законодательства.

Сейчас у нас есть оценка регулирующего воздействия, но она скорее экономическая, нужно дополнить её социально-гуманитарным аспектом. Задач много, следовательно, нам юристам еще долго будет чем заняться.

📍 Москва, ул. Гашека, 6,
БЦ «Дукат плейс III», 12 этаж
+7 495 737 37-38

📍 Санкт-Петербург,
Суворовский проспект, 25
БЦ «Суворовский»,
3 этаж. оф. 307
+7 812 655 67-55

DELCREDERE

📍 ЦИФРА

📍 DELCREDERE

